

Она обругала нашего брата, сказала, что он уродлив, никому не нужен, и что если какая-нибудь сваха придет в наш дом свататься, она еще и напакостит!

Мальчишка, который только что ябедничал, то есть младший сын Линь Лаогэня, Линь Тяньбао, продолжал подливать масла в огонь. Теперь, когда пришел его отец, старуха не посмеет больше желать его брату остаться без невесты, хм!

Слова о том, что парень Линь Амо останется незамужним, были для Линь Лаогэня красной тряпкой, от которой он мгновенно взбесился. Глаза его налились кровью, и он выглядел так, будто готов был пустить в ход кулаки.

Чжоу Тайпо испугалась его вида, и ей уже не хотелось оставаться у него на глазах. Бормоча себе под нос: «Не связываться с вами, деревенщинами», она быстро развернулась и, приподняв подол, поспешила уйти.

Как только она ускользнула, ссора прекратилась. Староста поспешил похлопать Линь Лаогэня по плечу, сказал пару слов, чтобы успокоить его, а затем позвал зевак-крестьян расходиться. Несмотря на то, что деревня была маленькой, эти мелочи постоянно доставляли ему, старосте, головную боль.

Когда все разошлись и под успокаивающие слова старосты гнев Линь Лаогэня утих, он посмотрел на своего сяогэ и с озабоченным лицом принялся его воспитывать:

— Амо, почему ты опять поссорился с Чжоу Тайпо? Разве отец тебе не говорил? Она уже старая, ей бояться нечего, а ты еще не сосватанный сяогэ. Если пойдет дурная молва, к нам в дом действительно никто не придет свататься. Отец недавно говорил с одной семьей о тебе, так они слышали, что ты слишком дерзкий, и отказались. Почему ты не слушаешь отца?..

— Что значит «слишком дерзкий»? Отец, они просто считают меня уродливым. Я понял, отец. Сегодня я вышел из себя и поссорился с тетушкой Чжоу. Посмотри, до какого состояния она избила Чжоу Гээра! Если бы я не вмешался, Чжоу Гээр мог бы погибнуть!

Линь Гээр был открытым и беспечным по характеру, его совершенно не волновало, что о нем думают другие. С детства он привык к тычкам и пересудам, так что еще пара слов его не волновала.

Малыш Линь Тяньбао тоже согласно закивал, вставая на сторону брата:

— Отец, на этот раз брат правда не был виноват. Это Чжоу Тайпо перешла все границы. К тому же наш брат не останется без невесты. Старший брат Хайшэн же нравится нашему брату, это ты не согласен...

— Ади! — услышав слова брата, Линь Гээр, который только что был безразличен, смутился и

покраснел.

— А что, разве не так? Хи-хи.

Линь Тяньбао показал брату язык.

— Нет-нет, мы не можем породниться с семьей Чжао. Чжао Дачун и его жена — люди нечестные. Когда я в свое время служил с Чжао Дачуном в лагере, этот прохвост вечно обманом заставлял меня работать за него. А его жена Лю-ши — известная в деревне корыстная баба. Их сын Хайшэн пошел в родители — себе на уме. Он женится на тебе только для того, чтобы ты работал на них! Впредь при встрече с их семьей делай вид, что не замечаешь, понял?

Услышав слова детей, лицо Линь Лаогэня мгновенно изменилось. Его простоватый и честный нрав вдруг стал хитрым, он вытаращил глаза и принялся наставлять.

— Понял, отец. Тогда давай сначала возьмем Чжоу Гээра к нам домой на пару дней, переждем, ладно? Если он сейчас вернется, Чжоу Тайпо в гневе снова его побьет...

Увидев, что отец нахмурился и строго смотрит, оба брата Линь немедленно серьезно закивали в знак согласия и, потянув за собой стоящего рядом худенького Чжоу Гээра, попытались перевести разговор на другую тему.

Но У Цинъюань, который все это время наблюдал за ними, явно заметил в блестящих глазах Линь Гээра лукавство, а Линь Тяньбао подмигнул брату — было ясно, что на самом деле братья не такие уж послушные, как казалось.

— Отец, а это кто?

Когда толпа разошлась и остались только они, Линь Лаогэнь кивнул, соглашаясь временно приютить Чжоу Гээра, и успокоившийся Линь Амо наконец заметил его. С любопытством он спросил у отца.

Линь Лаогэнь только тут опомнился, что от волнения совсем забыл о человеке. Хлопнув себя по лбу, он поспешил начать представлять У Цинъюаня:

— Ох, я и забыл. Прости, брат У. Это я тебе рассказывал — мой сяогэ, Линь Амо, и мой сын Линь Тяньбао.

Сказав это, он обратился к обоим детям:

— Амо, Тяньбао, это У Цинъюань, младший брат У. Он приехал в наши края искать родственников и поживет у нас некоторое время...

— А? Он будет жить у нас?

Оба брата Линь воскликнули в один голос, а затем с некоторым колебанием посмотрели на У Цинъюаня. Приютить кого-то было, в общем-то, можно, но только если человек знакомый.

Хотя деревенские были простодушны, и здесь, по сравнению с последними днями, люди были гораздо гостеприимнее и дружелюбнее, У Цинъюань все же был чужим мужчиной. Если он поселится у них, а вдруг он окажется злым человеком? К тому же в доме полно незамужних сяогэ и девушек — жить с посторонним мужчиной было неудобно.

Линь Лаогэнь, хоть и был простоват, но не глуп — он все эти вопросы обдумал. Однако перед серебром эти проблемы перестали быть проблемами.

Улыбнувшись У Цинъюаню, он сказал: «Брат, подожди-ка», — и, отведя своего сяогэ в сторону, достал полсвязки медяков, заработанных сегодня у У Цинъюаня, сунул их ему в руку и с воодушевлением объяснил:

— Амо, не волнуйся. Брат У — не злой человек. Даже если у него дурные мысли, мы с твоим дядей и третьим дядей вдвоем с ним справимся. К тому же эта деревня — наша земля, он не сможет пакостить. Смотри, это деньги, которые он дал мне сегодня. Он сказал, что если я помогу ему расспросить в соседних деревнях о его родственниках, он даст мне еще серебра. И жить у нас он будет не бесплатно — я договорился с ним, что за ночлег он будет платить по восемь монет. Все равно наша комната пустует, так что это выгодно. Видишь, какой я умный...

Под конец в голосе Линь Лаогэня звучала гордость и желание похвалы.

Линь Амо посмотрел на серебро в руке отца, подумал и прикинул в уме.

Отец каждый день ходил на причал полдня работать, убивался, а зарабатывал всего двадцать-тридцать монет. Если пустить этого человека пожить, то каждый день будет чистая прибыль восемь монет. К тому же, если отец захочет, сможет для него побегать, поискать каких-то родственников. После нескольких дней хлопот на причале он уже не понадобится, и без его вмешательства отец в этом году на причал не пойдет — всем будет хорошо.

Прикинув в уме, Линь Амо решил, что это выгодно, и, улыбнувшись, похвалил отца:

— Папа, ты и правда стал умнее!

Затем он подошел к У Цинъюаню и предупредил:

— Ладно, жить у нас можно, но у нас во дворе много женщин и девушек, так что ты должен быть осторожен. И еще: восемь монет за ночлег, питаешься сам. Устраивает?

— Без проблем.

У Цинъюань кивнул с улыбкой, не колеблясь.

У него было чрезвычайно острое чутье, и он прекрасно слышал весь их разговор. Он незаметно оглядел стоящего перед ним юношу и сделал мысленную пометку: похоже, главным в семье Линь был этот сяогэ, а отец слушался сына. Забавная семейка...

Раз все обговорили, решили не задерживаться. Линь Амо, поддерживая Чжоу Гээра, пошел с Линь Лаогэнем домой, а Линь Тяньбао побежал за деревенским врачом, дядей Ли.

У Цинъюань хотел было помочь, поднести, но Чжоу Гээр был сяогэ, которому еще предстояло выйти замуж, и по местным обычаям это было неудобно, поэтому он молча следовал за ними.

Все это время его внимание было приковано к юноше по имени Линь Амо. Не потому, что он на него запал, а потому, что этот юноша казался ему очень интересным.

У других, если внешность уродливая, характер обычно становится робким и тихим, но этот Линь Амо, наоборот, был очень живым.

Хотя Линь Лаогэнь был его отцом, У Цинъюань по пути заметил, что в семье Линь главную роль играл именно этот сяогэ. Юноша был очень самостоятельным, говорил и делал все четко и быстро, от него исходила какая-то активная жизнерадостность, которая притягивала.

Хотя его взгляд был скрытным, если долго смотреть на человека, тот все равно это почувствует. Вскоре Линь Амо заметил его взгляд и обернулся.

Однако У Цинъюань не стал отворачиваться, а широко улыбнулся и кивнул ему, ничуть не смущаясь, что его застукали. Линь Амо слегка покраснел — впервые чужой мужчина смотрел на него без отвращения и еще и улыбался.

Хотя он привык к взглядам, полным неприязни из-за своей внешности, никто не был равнодушен к своей внешности. Поэтому то, что У Цинъюань не выказывал ни отвращения, ни презрения, вызвало у Линь Амо мгновенную симпатию и немного ослабило его настороженность.

Линь Амо по натуре не был замкнутым, и как только он сбросил бдительность, то начал сам расспрашивать У Цинъюаня о его происхождении, узнавая разные сведения.

Он совсем не соблюдал скромности, положенной здешним сяогэ, и Линь Лаогэнь с досадой подумал, что виноват в этом он сам, отец: слишком невнимательный, по-мужски не умеет воспитывать детей, вырастил сяогэ с таким характером. Кто не знает, мог бы подумать, что его ребенок легкомысленный.

У Цинъюань не думал ничего подобного. Он отвечал на все вопросы Линь Амо, и вскоре они уже неплохо познакомились.

— ...Вот оно что. Я слышал, что море опасно, но не думал, что настолько. Тебе очень повезло, что ты выжил. Не волнуйся, я и отец хорошо знаем все окрестные деревни, я тоже помогу тебе расспросить. Если не найдешь родственников, можешь поселиться в нашей деревне. Наша Ива-Деревня хоть и небогатая, но до города и уезда близко, удобно добираться...

Линь Амо, всю жизнь проживший в деревне, не видел свету, по натуре был таким же простым, как и большинство крестьян. Выслушав историю У Цинъюаня, он проникся сочувствием, а поскольку У Цинъюань не выказывал отвращения, он проникся к нему расположением и с жаром начал предлагать варианты.

Линь Лаогэнь тоже кивнул, сказав, что может помочь поговорить со старостой.

Раз семья Линь была готова помочь с поселением, это было лучше всего. У Цинъюань поспешил согласиться и поблагодарить, еще больше сблизившись с Линь.

Разговаривая, они дошли до дома Линь.

— Брат У, вот и наш дом...

Линь Лаогэнь привел У Цинъюаня в крестьянский двор.

Дом Линь считался одним из лучших в Ива-Деревне. Хотя его построили лет десять назад, он все еще был крепким, из черепицы, и довольно просторным — не то что у других крестьян, у кого были соломенные хижины, которые в ветер и дождь заливало водой, и крыши приходилось менять каждый год.

Однако, войдя во двор, У Цинъюань заметил: хотя дом Линь был немаленьким, и людей в семье было много. Дом делился на восточное и западное крыло, где жили три брата со своими семьями — всего девять человек.

Где много людей, там неизбежны трения. Судя по тому, как с ним здоровались, кто холодно, кто тепло, он понял, что отношения в большой семье Линь не слишком гладкие. Но в целом, как и в большинстве семей, все ограничивалось бытовыми стычками, без глубокой вражды.

Увидев Чжоу Гээра, которого поддерживал Линь Амо, все во дворе ахнули и запричитали: «Боже, какой грех!».

Даже обычно не вмешивающаяся в чужие дела бабушка Линь, Линь Цзян-ши, не удержалась и нахмурилась: «И как только у старухи Чжоу рука поднялась?» Услышав, что Линь Амо просит оставить Чжоу Гээра на несколько дней, она помедлила, но не отказала, однако пробормотала:

«Его еда — не моя забота».

— Понял, бабушка.

Раз самый старший член семьи согласился, то препятствий для того, чтобы Чжоу Гээр остался, не было. Линь Амо с радостью помог ему войти в свою комнату.

В это время вернулся и младший брат, Линь Тяньбао, который ходил за деревенским врачом. Однако он был один — единственный врач в деревне, дядя Ли, отсутствовал. Чтобы показать Чжоу Гэера врачу, нужно было ехать в город.

Но сейчас было уже поздно, до города добираться в темноте, а магазины и врачебные кабинеты уже закрыты — врачи в отдаленные места по ночам не ездят. Придется ждать до завтра.

Однако раны Чжоу Гэера выглядели тяжелыми. Кто знает, не умрет ли он за ночь. Линь Амо чуть с ума не сошел от беспокойства.

Из-за уродливых синих пятен на лице он с детства был пугалом, и деревенские дети не хотели с ним играть. Только Чжоу Гээр был его лучшим другом — они вместе росли, и в детстве, когда Линь Амо упал в реку, Чжоу Гээр, рискуя жизнью, спас его.

Теперь Чжоу Гээр попал в беду, лежал в постели с жаром и без сознания. Линь Амо, естественно, волновался. Медицина здесь была отсталой, и смерть от жара не была редкостью.

— Брат, не волнуйся. С Чжоу Гээрком ничего не случится. Я по дороге встретил Чжуцзы, и он уже пошел за врачом в соседнюю деревню...

Линь Тяньбао рядом, как маленький взрослый, утешал брата.

В дверях появилась вторая невестка, Ван-ши, с бутылкой водки:

— Амо, попробуй сначала водкой. Может, температуру сбить получится. Если так дальше пойдет, он хоть и не умрет, но от жара повредится.

— Хорошо!

Такие вещи знали только старшие. Линь Амо кивнул и быстро налил водку на тряпку, чтобы протереть лицо Чжоу Гэеру.

Но то ли раны были слишком тяжелыми, то ли организм Чжоу Гэера был слишком слаб,

температура не спадала, а наоборот, поднималась все сильнее. Выражение лиц у всех в комнате стало нехорошим. Даже десятилетний Линь Тяньбао понимал: если врач не придет, неизвестно, доживет ли Чжоу Гээр до утра.

У Цинъюань постоял рядом, поколебался, затем достал из сумки таблетку жаропонижающего и протянул:

— Попробуйте это. Я получил это чудодейственное лекарство от одного старого лекаря во время странствий. Очень хорошо сбивает жар. Дайте ему одну, посмотрим. Врач, боюсь, скоро не придет.

На самом деле он хотел дать лекарство еще раньше, но все колебался.

Поскольку эти древние люди никогда не сталкивались с современными лекарствами, у них не было к ним устойчивости, и современные препараты действовали на них чрезвычайно эффективно, почти как чудодейственные пилюли, которые излечивают от любой болезни. Это могло привлечь внимание — либо его сочтут за бессмертного, либо за чужака.

Помогать людям можно, но только если это не угрожает его собственной безопасности.

Однако, глядя на Линь Амо, который был так расстроен, что вот-вот расплачется, и на худенького юношу по имени Чжоу Гээр на кровати, У Цинъюань, сам не зная почему, смягчился.

Люди в комнате были в полном отчаянии, и, увидев лекарство, которое достал У Цинъюань, не обращая внимания на его странный вид, решили попробовать — все равно хуже не будет, и быстро дали его Чжоу Гээр.

Как и предполагал У Цинъюань, современное жаропонижающее подействовало отлично. Вскоре цвет лица Чжоу Гэера начал восстанавливаться. Линь Амо радостно закричал: «Помогло, помогло!» Линь Лаогэн и остальные тоже просияли — хорошо, что человека спасли.

— Дядя Линь, Гээр Линь, открывайте! Это я, Чжуцзы! Я привел врача!

В разгар радости снаружи двора раздался грубый мужской голос.

Линь Амо снова обрадовался и поспешил крикнуть Линь Тяньбао, чтобы тот открыл дверь. Вскоре вбежал здоровенный детина, под стать своему голосу, тащивший за собой запыхавшегося старика с белой бородой и аптечкой.

— Чжан... Чжан Дачжу, ты, паршивец, не мог помедленнее?! У меня, старика, кости уже не такие, как у молодых!

От быстрого бега старый врач едва дышал, его лицо покраснело, и он крикнул.

— Нельзя медлить, дядя! Надо спасать! Быстро посмотри Чжоу Гээра! Если Чжоу Гээр умрет, я тоже не стану жить!..

Здоровяк по имени Чжан Дачжу, с обеспокоенным лицом, подтолкнул врача к кровати и, капризная, потребовал, чтобы тот немедленно осмотрел больного. Врачу ничего не оставалось, как скрепя сердце взяться за дело.

К счастью, раны Чжоу Гээра выглядели страшно, но были только поверхностными, внутренние органы не были задеты, и высокая температура спала. Серьезных проблем не было, только организм был слишком слаб — нужно было хорошо отдохнуть и подлечиться.

Пощупав пульс, старик посмотрел на синяки на руках, шее и лице Чжоу Гээра, вздохнул, достал бумагу и кисть, быстро написал рецепт, сунул его в руки Чжан Дачжу, объяснил, что делать, и поспешил собираться домой — он жил в соседней деревне, и надо было торопиться.

Когда старик ушел, и все убедились, что с Чжоу Гээром действительно все в порядке, все вздохнули с облегчением.

Особенно здоровяк по имени Чжан Дачжу — он был готов остаться и ухаживать, но это был дом Линь, и комната была личной комнатой Линь Амо, так что ему нельзя было задерживаться. Поэтому он с неохотой отдал Линь Амо рецепт и кошелек с серебром, попросил позаботиться о Чжоу Гээре и ушел.

После всей этой суматохи на улице уже стемнело, время ужина прошло. Бабушка Линь не стала ждать Линь Лаогэня и его сыновей — она накормила остальных и даже посуды не оставила.

Вторая невестка Ван-ши хотела было оставить им немного, но семья не была разделена, и она, как невестка, не имела права распоряжаться. Когда она ходила за водкой, ее уже ругали, так что Линь Лаогэню и его сыновьям пришлось решать проблему самим.

Трое, судя по всему, привыкли к такому поведению бабушки Линь и не стали злиться.

Оставив Линь Лаогэня и У Цинъюаня отдохнуть во дворе, Линь Амо с братом пошли на кухню. Когда они вышли, каждый нес по две миски: лапшу, которую разделили из бамбуковой трубки Линь Лаогэня, с добавлением зелени для объема, и несколько кукурузных лепешек.

— Брат У, эту миску тебе.

Линь Амо протянул миску с наибольшим количеством лапши Линь Лаогэню, а вторую по величине — У Цинъюаню, и, сверкнув блестящими глазами, улыбнулся.

Хотя раньше договаривались, что У Цинъюань живет только с ночлегом и без питания, после всей этой суматохи трое Линь быстро с ним сблизились. Особенно его поступок, когда он дал жаропонижающее и спас Чжоу Гээра, заставил всех проникнуться к нему огромной симпатией.

Лапша в мисках была из той, что Линь Лаогэнь не стал есть в обед и принес домой. Со временем она размокла, а при повторном разогреве почти вся превратилась в крошево, и ее было очень мало — в основном миска была заполнена зеленью.

Тем не менее, для деревенских, которые месяцами не видели мяса и ели только кукурузные лепешки с отрубями, такая тонкая белая лапша хоть и не была роскошью, но все же считалась очень вкусной едой.

К тому же, учитывая, что он был гостем, Линь Амо специально положил ему в миску побольше лапши. У Цинъюань заметил, что в собственной миске юноши почти одна зелень, лишь несколько редких ниточек лапши для украшения, но, смешивая с бульоном и заедая лепешкой, юноша ел с большим аппетитом.

— Брат У, наша деревенская еда простая, не обессудь...

Линь Лаогэнь сказал это У Цинъюаню, а затем снова переложил часть лапши из своей миски младшему сыну и тоже принялся чавкать, запивая лапшой и заедая лепешкой.

Редкая лапша заставила отца и сыновей есть жадно, атмосфера была теплой. У Цинъюань поблагодарил и тоже принялся за еду — для человека из последних дней не было такой еды, которую можно было бы отвергнуть.

В перерывах между едой Линь Лаогэнь снова начал ворчать. Причиной ворчания была все та же стычка Линь Амо со старухой Чжоу.

<http://bllate.org/book/20032/1977515>